

Алексей Лишний Классика с барахолки

Алексей Лишний
Классика с барахолки

«Автор»

2022

Лишний А.

Классика с барахолки / А. Лишний — «Автор», 2022

Что если бы фэнтези появилось ещё в XIX веке? Какие истории о волшебстве могли бы написать наши именитые классики? Перед вами сборник таких фантазий. Мистика и магия, славянские боги и персонажи русских сказок окажутся и на Невском, и в помещичьих имениях, и, конечно, в городе N.

© Лишний А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Моя единственная любовь	5
Дитя Яровита	14
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алексей Лишний

Классика с барахолки

Моя единственная любовь

В среду, 22 октября 18** года, на Вознесенском проспекте в доме отставного генерала N в честь предстоящего венчания дочери его превосходительства со статским советником Любимовым был устроен званый обед. Гости радовались разнообразию подаваемых блюд: суп из свиной печени и сельдерея, жареная корюшка, утка с репой, студень, салаты, блины с брусничным вареньем и, конечно, страсбургский пирог.

Любимая дочь в семье Любимовых, естественно, заслуживала внимания лучшей части города. Так думали все присутствующие, пытаясь достать кусочек осетра, царившего в самой серёдке обширного стола. Исключение составляли разве что два угрюмых молодых человека в углу гостиной, оставшихся в компании друг друга даже после того, как дали сигнал перейти в соседнюю комнату с ломберными столами для партии в вист.

Первый восседал на диване, небрежно облокотившись о шёлковую подушку, а второй стоял в углу, удерживая бокал с Аи левой рукой, в то время как правая лежала на груди.

Сидящий выглядел для своих тридцати моложаво. Вьющиеся чёрные волосы не прятал в хвост, а позволял им улечься на плечи и сползти по тёмно-бордовому сюртуку.

– Не понимаю я этого, – повторил он, запивая фразу лёгким глотком. Видимо, так понимание должно скорее явиться разуму.

Собеседник его, безусый юноша со светлыми глазами и таким же мировосприятием, согласно кивал головой. Подобных людей часто можно увидеть в будуарах (хотя, боюсь, нас, дорогой читатель, туда не допустят) светских львиц, которых молодые люди почитают за богинь новой античности.

– Не понимаю... Моего дядю не любили соседи. Говорили, он нелюдим. Да, он жил анахоретом. Не секрет. Но тогда откуда это?.. Что значит: «Меня погубила моя единственная любовь»? Какая у него могла быть любовь? Слушай, mon ami, ты бы говорил о любви после того, как тебе исполнится шестьдесят?

– Любовь – единственное, что делает нас бессмертными. Почему же возраст...

– Ах да, как я мог забыть про твой юношеский пыл... Но дядя-то не юноша! Он был старше моего покойника отца. Как дядю могла погубить любовь? Какая любовь? В народе говорят: «Седина в бороду – бес в ребро».

– Любовь не имеет отношения к телу – её суть в душе.

– Им это скажи! – Человек на диване, назовём его Владимиром, одними глазами указал на двух девиц, слишком громко засмеявшихся в ответ на шутку генеральского сыночка, рассказывающего о фамильном портрете на стене. Раскрасневшись, они тут же принялись обмахиваться веером и прятать лицо.

– Я думаю, тебе надо срочно поехать в деревню, – привычно не обращая внимания на колкости старшего друга, серьёзно посоветовал собеседник. – Твой дядя умер. Он единственный твой родственник, Владимир. Нельзя это оставить просто так. Его смерть загадочна, и...

– Дядя мне ничего не оставил. Всё дочерям.

– Какая разница? Он твой дядя! И прислал именно тебе это письмо! – Юноша, назовём его Николай К., взволнованно сжал правой ладонью миниатюрную державу, венчавшую подлокотник вычурного кресла.

– Я рассказал тебе не всё. В письме была ещё одна строчка: «Приезжай хотя бы проститься».

– Тем более. Чего же ты медлишь? Конечно, проститься с дядей ты не успел, но...

– И это тоже не всё. К сожалению. Почерк не его. Я сразу узнал. Сразу... Потому что писано было рукою моей матери. Почившей уже несколько лет назад...

*Николаю К. от 30 октября 18** года*

«Милостивый государь мой, вот уже третьи сутки длится моё путешествие по просторам нашей необъятной родины. Не могу сказать, что сильно утомлён долгой поездкой – времени, как ты знаешь, я терять зря не люблю. Оттого и взял в дорогу много полезного и приятного для ума. Сейчас только покончил с божественным трудом Данта. Я поражён. Но не столько величием замысла, сколько трудолюбием гения, пробиравшегося к небесам на терцинах.

Природа осени как раз под стать моему чтению и настроению. Унылые станционные смотрители все как один – небритые и нахальные. И, конечно, хамоватые. Впрочем, оно и понятно: чин хоть и четырнадцатого класса, но всё же спасает их от жестокости в ответ.

Серое беспросветное небо. И ухабы на дорогах, раздражающие внезапно и мешающие читать.

Вот, пожалуй, краткое описание моих трёх дней. Хотя это неправда. К твоему вящему удовольствию, мой романтический друг, сообщу, что прожил истёкшие дни не жизнью тела, а в мире идей, погружённый в путешествия по кругам ада и небесам рая, порою возвращаясь в собственный ад.

Помню похороны отца...

Его положили в березняке подле дороги – так хоронят самоубийц. На погребение матери я приехать не мог – меня отправили сопровождать графа Х...-го в Персию с дипломатической миссией. Я в сердцах противился, просил заменить меня, но получил категорический отказ ввиду важности дела. Тогда и пришло понимание: необязательно приезжать прощаться с телом, которое уже покинула душа. А в душе я с ней простился.

Дядя же – мой последний близкий родственник, ты прав, топ амі. Но я никак не пойму, почему я еду туда, где меня и так никто больше не ждёт».

*Николаю К. от 1 ноября 18** года*

«Я приехал поздно ночью. Управляющий сначала не признал меня – последний раз виделись семь лет тому назад. Но после, удивившись неожиданному приезду барина (я бы сказал: неприятно удивившись), пустил меня в пустой дом. Отправлю тебе это письмо завтра, когда поеду в дядину деревню. Понимаю, меня там не ждут и я удивлю их ещё больше, чем своего управляющего. Хочу показать кузинам строки письма их родного отца. Впрочем, не совсем родного...

Дядя всю жизнь провёл, запершись в кабинете. Откуда б взяться дочерям? Они приёмные, причём обе. Не знаю, в каких сиротских домах он их отыскал, но старшую, Лизу, привёз восьмилетней, а младшую, Ольгу, – в возрасте неполных десяти лет. Их воспитывали гувернантки. Француженки, конечно же, чьё преподавательское мастерство всегда для меня остаётся предметом сомнений.

Не знаю, как уснуть здесь сегодня без кошмаров. Только представь: в этой комнате покончил с жизнью мой отец. Говорят, его нашли с простреленной грудью. Не лучший способ себя убить. Он недолго мучился в этой самой кровати до того, как умер. И мать тоже мучилась. Она умерла от болезни. На этой же самой кровати.

Почему ты отправил меня сюда, мой юный друг? Неужели ты хочешь, чтобы и я, подобно моим родителям, навек окончил круг земных забот на проклятом Богом ложе?

Надеюсь, всё-таки я когда-нибудь вернусь в столицу».

*Николаю К. от 2 ноября 18** года*

«Спешу поделиться первыми впечатлениями от посещения дома моего дяди. Деревня его выглядит процветающей, с доходом явно выше тех четырёх тысяч, что ежегодно высылают мне мой управляющий. В доме я бывал и раньше, с матерью. Взрослые пили чай на веранде, а я ловил стрекоз в саду.

Сегодня меня встретили холодно. Дядя умер. Мать и отец тоже. Ольга картинно улынулась мне в передней, пропуская в дом явно с нежеланием. В народе говорят: «Незванный гость хуже татарина». Таким вот татаринком я себя и чувствовал. Маша, как мне сказали, отправилась учиться в Москву в пансион. Не знаю почему, *mon ami*, но Ольга и Маша похожи. Они не были сёстрами, их взяли из разных домов в разное время, но лица как две капли воды, и обе так милы, приятны мне...

Ольга предложила выпить чаю. Я согласился. Во время неторопливой беседы я показал полученное от дяди письмо, на что кузина пожала плечами и шмыгнула носом. Впрочем, чего же я мог ждать ещё? Она рассказала, что дядя скончался от удара. Сердце не выдержало.

Что ж так внезапно его ударило? Хотя доктора говорят, будто порой всё случается так же спонтанно, как перемена погоды в середине дня.

Думаю, моё маленькое расследование подошло к логическому завершению. За чаем Ольга предложила мне вина. Я отказался, на что моя кузина снова пожала плечиками и добавила со вздохом, будто их отец бы точно не отказался. Дядя пил горькую. Уже давно. И каждый день.

«Меня погубила моя единственная любовь». Как грустно и как тривиально. Стать рабом напитка, который сгубил не одну душу, выбравшую стезю деревенского быта.

Что ж... Всё ясно, кроме некоторых моментов. Почему дядя написал это мне? И почему это было написано рукой моей матери?

Хотелось бы собрать вещи и вновь броситься в путешествие с очередным томиком в дрожащих от ушибов руках, но эти вопросы не дают мне покоя. Пожалуй, проведу тут неделю, присмотрюсь. Заодно разберусь с делами собственного имени.

Жди меня не ранее декабря».

*Николаю К. от 5 ноября 18** года*

«У вас, в столице, тоже сегодня снег? Едва рассвело, я вышел на крыльцо и только тогда осознал, как преобразился мир. Он был незнакомым, каким-то пустым, но в то же время таким блестящим, что от этого блеска сразу поднялось настроение. Захотелось, как в детстве, убежать в лес, валяться в сугробах с дворовым псом Микиткой в надежде, что опять раздастся задорный заливиственный мамин смех.

В Петербурге я никогда не чувствовал такого душевного подъёма, как сейчас. Иногда и не замечаешь: снег ли, дождь ли бьёт по щекам, пока идёшь с утра в присутственные места, а под вечер семенишь, полный забот, обратно.

Не ради снега одного я сел за новое письмо тебе, *mon ami*. Произошло событие, которое заставило меня заволноваться. Вчера я вновь побывал у Ольги. Она приняла меня уже ласковее. Но не спешите со злорадными шутками насчёт князя Орлова и его кузины Катеньки! Мы не поедем венчаться во Францию: всё-таки Ольга не родная дочь моего дяди! Да и какой свадьбе может идти речь?!

Мы пили чай, вспоминали детство. Она рассказывала про сестру, про их дурачества в доме, катание с ледяных горок. Вспомнили и зимние крепости возле крестьянских изб, и снежных баб.

Когда я вышел во двор, чтобы сесть в тарантас и ехать домой, моё внимание привлекла необычная особа. Она стояла в летнем платьице у окна дядиной спальни. Начинаясь метель, и я не мог до конца поверить глазам, слепнувшим от колкого снега. Может, её нежное белое платье показалось мне, как иногда видится одиноким путникам мираж в раскалённой пустыне.

Я соскочил со ступени тарантаса и побежал к девушке, чтобы спасти её от обморожения, укутать в полушубок и отправить в дом к Ольге. Но девушка поспешила скрыться. Она сначала шла к забору, а потом просто растворилась во мгле и метели. Я знаю, топ апі, ты меня упрекнёшь в излишнем мистицизме, но я, как помнишь, никогда не был романтиком.

Однако что-то сейчас во мне пошатнуло прочные основы разумного миропорядка».

*Николаю К. от 6 ноября 18** года*

«Это письмо отправлю одной почтой со вчерашним. Не выдержав муки недопонимания, я сегодня снова был у Ольги. Сначала она восприняла мой визит как навязчивость и слегка насмешливо приняла извинения, но потом, выслушав рассказ о таинственной незнакомке, вдруг стала слишком серьёзной.

– Я знаю её. Взбалмошная дочь нашего соседа, помещика Псковского. Её в доме прозывают Бетси, на английский манер. А так – та же Лиза. Она сумасбродка. Только ей может прийти в голову гулять в летнем платьице в метель. Интересно: она хотя бы сама понимает, чем рискует из-за своей глупости?

И тут, топ апі, меня охватило беспокойство. Возможно, дядя не так сильно привязан был к выпивке, чтобы называть настойку своей единственной любовью. До каких же пределов может опуститься в деревне человек, чтобы посвятить жизнь служению напитку, уничтожающему разум?

В мою голову закралось подозрение.

Лиза Псковская.

Сколько ей лет? Ольга говорит, около двадцати. Давно уж девица на выданье, но нет женихов из-за её сумасбродств. Хотя упомянут был один мой дальний родственник, который трагически погиб от рук лесных разбойников года три назад.

Но за три года – никого.

А ей двадцать...

Дяде было около шестидесяти. Такого в природе и быть не может! Нет, бес мог поселиться в ребре, но как барышня, даже сумасбродная, могла влюбиться в старика?

В голове не укладывается.

– Могла. – Пожимает плечиками Ольга. – В её мире могут происходить самые фантастические вещи. Бетси без ума от Бейрона, идола безумных девиц. Стала увлекаться им с тех пор, как погиб её Александр. Читает поэмы в оригинале – её отец пару раз этим хвалился, когда они гостили у нас.

И всё же в голове не укладывается, что привлекательного могла найти девица в старике, злоупотреблявшем вином? Я бы к ней съездил, но, боюсь, это будет выглядеть верхом неучтивости. Что я скажу её отцу?

Нет, это глупо.

Мне остаётся только ждать...

Или же нет? В народе говорят: «Под лежащий камень вода не течёт».

Есть два варианта.

Первый: Ольга представит меня Псковским. А что? Бетси – девица на выданье. Я партия выгодная. Поговорим с ней о литературе, и слово за слово, может, я вытяну из неё, почему она гуляет под дядиными окнами.

Второй вариант. Впрочем, даже писать его не стану, так как он подлый».

*Николаю К. от 8 ноября 18** года*

«Отправил вчера письма, но не мог сегодня утерпеть, чтобы не сообщить о ходе моего маленького расследования.

Оно провалилось.

Не знаю, решусь ли я осуществить вариант второй, но о первом мне и вспоминать не хочется.

И всё же...

Ольга игриво согласилась представить меня семейству Псковских. Жили они верстах в пяти от дядиного поместья, так что добрались мы ещё засветло. Сумрачный лакей с пышными бакенбардами учтиво поклонился и пригласил в дом. Видимо, я за эти десять с лишним лет так отвык от деревенской медлительности и гостеприимства, что чувствовал себя чужим. Григорий Иванович, почтенный отец семейства, искренне рад был повидать молодую соседку и поделиться с нами новшествами, которые завёл он в саду и вообще в управлении хозяйством. Казалось, я попал на Луну или ещё куда подальше. Когда же я заговорил о предметах, близких моему сердцу, встретился с отрешённым лицом, намекающим на абсурдность моих мыслей в кругу бытовых забот и треволений.

Каким же бальзамом на душу стало появление Бетси. Она сошла вниз, словно ангел. В атласном с кружевами платье, слишком вычурном для глаз её отца и Ольги, Бетси чопорно опускала носок на ступеньку и лишь потом словно разрешала пятке оказаться рядом.

– В одиночестве мы меньше всего одиноки, вам так не кажется? – спросила она, не сводя с меня глаз.

Я растерялся. Это было нечто вроде проверки. Что ж, я сам приехал сюда с той же целью.

– Мне кажется, что быть одиноким становится модным, если вас так и пытаются окружить вниманием.

Её глаза вспыхнули. Я видел этот блеск – он похож на глаза змеи, которая вот-вот бросится на добычу.

Бетси вела себя сдержанно за обедом, в отличие от своего отца, который требовал достать из погреба вино, сделанное ещё дедом в екатерининские времена. Вино было отменным, явно не чета тому, что разливают на петербургских приёмах.

Ольга, как мы и договорились, завела с захмелевшим Григорием Ивановичем приятную беседу о его успехах в хозяйственных делах, а я подсел на софу к Бетси. Даже не знал, с чего начать разговор.

– Вы знали моего дядю?

– Конечно, он ведь наш сосед. К чему этот нелепый вопрос? Или вы думаете, будто общие знакомые могут сделать и нас немного ближе? – спросила она, и я не понял: то ли она издевалась надо мной, то ли кокетничала.

– Понимаете, мой дядя, между нами, на старости лет влюбился в молодую особу...

Я понял, что допустил роковую оплошность. Лицо Бетси вмиг преобразилось: глаза остекленели, губы плотно сжались, а нос словно вытянулся, как у гончих. Никогда я не испытывал в общении с противоположным полом такого страха, даже когда говорил с томными девицами о любви.

– На что вы намекаете?! – Она вскочила, и внимание всех слуг, отца и Ольги было устремлено на неё. – Вы сюда приехали, думая, что я... Что я готова... За старика?!.. Я не настолько ещё отчаялась. Видимо, эта нелепость могла поселиться в уме человека, который привык к развратам столицы. Извините, но здесь... Мы, может, проще, но правильнее.

И так же напыщенно поднялась вверх, словно напрочь позабыв слова о простоте.

Я понял, что наше пребывание в доме Псковских стало несколько неуютным и потому поспешил удалиться, приглашая Ольгу следовать моему примеру. Григорий Иванович так и не понял, что произошло, ругался на свою взбалмошную дочь, много махал руками, но...

Я понял одно.

Завтра вечером перехожу ко второму варианту.

Придётся, никому не сказав ни единого слова, затаиться возле дядиного окна и ждать.

Если появится Бетси, взять её с поличным и так же отчитать, как она посмела отчитать меня сегодня.

Иного выхода нет.

Это война».

*Николаю К. от 9 ноября 18** года*

«Моп амі, верите ли вы в привидения?

Не в те, что бродят по пустым залам полуразвалившихся замков и дребезжат цепями. А в призраки, настоящие призраки, выходцы с того света. Вы, вероятно, решили, будто я спятил. И, наверное, все в Петербурге станут так думать, покажи вы им это письмо. Но, я уверен, вы не выкинете в отношении меня подобный фортель. И я надеюсь, вы поверите мне.

Соберусь с мыслями и начну излагать по порядку всё, как было. Ольга встретила меня радушно, словно близкого друга. Мы условились следующим образом: я буду караулить в кустах, близ рощицы, откуда хорошо просматриваются дядины окна. Если появится девушка, я, крадучись, дабы не спугнуть, подойду и схвачу её за руку. Бетси, если это она, не отвернется. Допрошу её со всем пониманием проблемы и без лишней огласки. Будут сложности – Ольга дала мне свисток их конюха. На свист мне на подмогу выбегут мужики.

Таков план, которому не суждено было воплотиться в жизнь.

Я уютно расположился в сугробе за жиденькими кустами, сквозь которые меня в вечерней мгле, конечно, невозможно было заметить. Картина открылась уже по-настоящему зимняя: стойкий морозец, безветренная тишь и тихий желтоватый свет из окошек, льющийся во двор. Я был так очарован красотой, что не заметил, как ноги мои перестали чувствовать большие пальцы – прошло больше часа дежурства.

И тут явилась она.

Как и в тот раз – вся в белом и летнем. Она не шла, а словно плыла по снежному насту к тому же окну. Словно мотылёк на губительный свет.

Стремительным рывком я бросился ей наперерез. Сначала мои шаги не были слышны девушке.

Ещё с дюжину шагов – и я смогу ухватить безумную за рукав тонкого платяца.

Вот-вот почти, но...

Она обернулась.

И я замер в испуге, точно окаменевший, не веря глазам и продолжая молча смотреть.

Это сон или явь?

Я не мог осознать этого, потому что на меня смотрела моя мать. Её родные, ласковые глаза, ямочка на подбородке, греческий нос и тонкие губы. Она смотрела на меня так же, как я и помню всегда.

Взгляд матери. Каким печальным он был...

– Я дождалась, – проговорила она то ли вслух, то ли в моей голове.

– Мама? – не слыша собственного голоса, проговорил я.

– Я дождалась тебя хотя бы так...

– Мама... – продолжал я, не зная, что ей сейчас сказать. Сказать хотелось многое и уже давно, но не вот так внезапно и неожиданно. И непонятно.

– Он убил твоего отца, – прошептала мать, и зрачки её расширились. – Он убил твоего отца. Человек за окном.

Она смотрела на меня пристально, словно пытаюсь прочесть что-то на моём окаменевшем лице.

А потом растворилась в пустоте ночной безмятежности.

Ольге я ничего не сказал. Уехал, не попрощавшись, – меня бил жуткий озноб, который удалось пережить с помощью тёплых одеял, стаканов горячего чая и рюмки домашней настойки, что поднёс мне управляющий.

Жаль, нет человека, который мог бы подтвердить мои слова, иначе никто не поверит этим рассказам. Но и зачем кому-то верить? Довольно того, что я и ты будем знать страшную тайну смерти отца. И верить в правду потустороннего мира.

Если завтра будет лучше, попробую выяснить, какое отношение имел дядя к смерти бабушки.

Но это будет завтра. Сейчас надо отдохнуть».

*Николаю К. от 15 ноября 18** года*

«Я проболел все эти дни, не мог даже взяться за перо и чернила. Сильная лихорадка. Впрочем, к чему тебе подробности моей временной слабости?

Я снова полон сил и новостей. За эти дни я узнал такое, что заставило меня почти что рыдать от отчаяния и боли.

Но... Всё по порядку.

Моё отчаяние... Если бы оно могло повернуть время вспять, если бы я мог, зная будущее, не совершать ошибок в настоящем.

В бреду, должно быть, я говорил много о своих родителях, потому что, когда я немного пришёл в себя, рядом нашёл мсье Гримо, верного лакея отца. Мсье стал седой, как лунь, и я не сразу признал в нём друга моих детских игр и преданнейшего слугу покойного родителя.

– Когда ваш дядя умер, – заговорил он замогильным голосом, – события, которые я обещал держать в строжайшем секрете, могут быть разглашены, ведь те, кому я это обещал, лежат в могиле.

Мсье Гримо поведал ужасную тайну.

Дядя был влюблён в мою мать...

Как это ни трогательно звучит, но мне показалось ужасным.

Дядя влюбился в неё сразу же, как отец впервые представил свою будущую невесту. Он старался не оказывать ей знаков внимания, держал секрет глубоко в сердце столько лет. Но иногда сердце не выдерживало и дядю прорывало на безумные поступки. Он втайне дарил ей драгоценности, бродил ночами под окнами, глядя на её силуэт в свете ночника, писал стихи и письма, оставляя их в тех местах, где моя мать любила гулять одна.

Дядя сходил с ума. Мать, думаю, догадывалась, кто этот тайный поклонник. Много лет она молчала.

Много лет...

Пока однажды дядя не решился на крайний шаг. Видимо, возраст дал о себе знать безысходностью будущего.

И он упал на колени перед моей матерью прямо в нашем доме и молил о пощаде. Молил быть с ним, говорил о своей негаснущей страсти. Мать плакала, но просила прекратить всё это. Просила закончить дешёвый спектакль навсегда.

Отец стал случайным наблюдателем постыдной сцены, спрятавшись под окном.

Нет нужды пересказывать его реакцию на происходящее: два пистолета должны были решить исход дела.

Гримо был секундантом. Он помнит, как два брата встретились зимой на берегу реки, как один выстрелил в воздух, прощая соперника, когда братская смертоносная пуля уже летела ему в грудь.

Секундант дяди, Заречный, предложил, как это и принято, представить смерть моего отца как самоубийство. Мсье Гримо не имел и шанса возразить.

Дядя вышел победителем.

Но никто, поверь, *mon ami*, никто не бывает счастливым победителем дуэли.

Я помню рыдания матери – я ведь приезжал на похороны отца. Она просила остаться с ней, но я не мог. Служба, дела, деньги, связи, интриги...

Мать просила о помощи.

А я постыдно сбежал.

Впрочем, дядя тоже остался ни с чем. В последние годы он почти не выходил из дома – боялся показываться на глаза моей матери. Хотя она ничего так и не узнала о дуэли...

Столько лет она томилась от горя и безысходности, силясь понять, почему её горячо любимый муж решил свести счёты с жизнью. Она же не знала, что он всё видел. Что был вызов. Была дуэль.

А где тогда был я?

В Париже? В Лондоне? В Петербурге?

Точно не там, где должен был быть.

Я, может, послезавтра соберу вещи и вернусь в столицу, *mon ami*. Но только после того, как сообщу бесприютному призраку, что месть свершена и не надо больше стоять под окнами, взывая к дядиной совести. Видимо, совесть проснулась и больно ударила.

Теперь я понимаю смысл его послания. Единственная любовь, которая губит моего дядю, – это призрак моей матери.

Завтра я ей всё скажу.

И она упокоится с миром».

– Он умер! Он умер! – кричал Владимир в пустоту.

Метель кружила, заполонив всё в округе. Даже дядины окна не видны сквозь толщу падающего снега. Здесь ли призрак? Слышит ли мать важные слова?

– Умер! Он умер! Твоя тоска сгубила его сердце!

Метель обволакивала ноги, поднималась к шее, словно пытаясь задушить, закрыть кричащий рот навсегда. Снег бил по глазам, залетал прямо в горло, но Владимир твёрдо стоял около окна, ожидая прихода призрака.

И он явился.

Волосы не лежали больше ровной косой – были раскиданы во все стороны, глаза сверкали замёрзшими слезами, а кожа из мертвенно-бледной превратилась в мутно-прозрачную, как у весеннего льда. Мать плыла к нему для последней встречи, чтобы сказать самое важное, что накопилось в душе. Последние годы жизни она только и делала, что ждала, ждала, ждала...

И вот он наконец здесь.

Приехал, родной.

Но уже слишком поздно.

Призрак коснулся лица Владимира, бледные пальцы прошли по чёрным лоснящимся, выбивающимся из-под заячьей шапки волосам.

– Ты приехал, – прошептала мать.

– Да, – только и мог ответить сын, глядя в бездонные зрачки.

– Ты приехал ко мне...

– Да, к тебе, – соврал Владимир, не в силах сказать что-то иное.

– Ты приехал ко мне... Моя единственная любовь...

В ладонях Владимира оказалось неотосланное письмо, две строчки из которого он имел счастье получить месяц назад.

*Николаю К. от 10 декабря 18** года*

«Дорогой мой друг, наверное, ты ждал меня на днях, но вместо меня получил вот это письмо.

Всё так поменялось в моей судьбе.

Я не вернусь больше в столицу. А если и вернусь, то в качестве гостя вместе с моей ненаглядной супругой.

Так получилось, что я вчера сделал Ольге предложение. Она согласилась. Смеялась надо мной, что в конце концов всё же я приехал именно ради дядино наследство.

Но она любит меня. И я люблю её.

После всего, что я узнал, мне стало понятно, почему Ольга и Маша, взятые с разных приютов, так похожи.

Дядя всегда искал в женском лице один и тот же взгляд...»

Дитя Яровита

В N-ском уезде если кто начинал вдруг хвастать своим домом, тем, как обустроены на английский манер куртины, как ухожены крестьянские избы, как приятен глазу оригинальный, но не вычурный фасад хозяйских построек, то незадачливому гордецу тут же затыкали рот упоминанием о поместье Гусевых, равному по красоте которого не появилось ещё на свете в окрестностях. Как можно было не восхищаться тенистыми аллеями, лукаво встречающими гостей загадками зелёного лабиринта? Как не поразиться величественному виду господской усадьбы или причудливым флигелькам в стиле барокко, куда и выводили запутанные дорожки? Как сдержать восторженный возглас при виде анфилады комнат от гостиной до сцены театра с изображением звёздной ночи на Востоке?

Без сомнения, поместье Гусевых – редкий изумруд N-ского уезда.

Нынешний хозяин Владимир Иванович Гусев с благочестивой супругой своей Ольгой Никифоровной вот уже как десять лет единовластно управляли имением после кончины Никифора Павловича Гусева, старого дяди, не пожелавшего видеть никого владельцем столь прекрасного во всех отношениях места, кроме любимой приёмной дочери.

Десять лет прошло в хлопотах попеременно с забавами, кои могла посулить жизнь в провинции.

– А не запрячь ли нам тройку проехать по хрустящему снежку, Ольга Никифоровна? – иногда удивлял супругу Владимир Иванович бодрым зимним утром.

– Не послать ли нам Ванюшку за соседями, чтоб вечером сразиться в вист, Ольга Никифоровна? – врывалось озарение так же необузданно, как влетает пчела в открытое окно с надеждой найти распустившиеся бутоны весенних цветов.

Десять лет прошло. И вдруг засела кручина в душе Владимира Ивановича: стала супруга его непохожей на себя самую. Преобразилась, словно от колдовства чужого. Уже и неинтересны ей катания в санях, когда жмётся друг к дружке, укутавшись в тёплые шубы, а снег искрится и летит в лицо. Не веселят её ни игры карточные, ни крепостной театр, ни душевные разговоры за вечерним чаем на крытой веранде. И так, и эдак он к ней обращается, пытаясь развеселить, но разве тоска может запросто покинуть душу, единожды найдя там себе приют?

Даже вид умильного лица Забавушки, их восьмилетней дочери, не так сильно, как прежде, вдохновлял саму Ольгу Никифоровну. Гладила она её по шелковистым русым волосам, но внутри была где-то далеко-далеко, за пределами мира.

– А не послать ли Ванюшку к белому колдуну? – раз пришла нездоровая мысль к Владимиру Ивановичу. Коли сама пришла, так, значит, сам и впустил. Белым колдуном называли отставного офицера егерского полка, жившего бобылём на своём небольшом наделе, граничащем с гусевским лесом. Жалование он не получал, крепостными также обзавестись не удалось – вот и промышлял, как в народе говорили, ворожбой. Иноверцы ль научили, пока ходил в походы с полком, но слава о его колдовском могуществе с быстротой резвой лошади разнеслась по всему уезду. Говорили о нём девки, хвалясь приворожённым женихом. Говорили соседи, дивясь выгоды купленного скакуна. Говорили и старухи, вдруг находившие давно потерянные вещи. Говорили, говорили, говорили, а сам помещик его ни разу в глаза не видел, но всегда почему-то так и тянуло на него посмотреть.

– А не послать ли мне Ванюшку?... – думалось Владимиру Ивановичу в очередной раз, и только потом явилась, словно с небес, удивительная истина: не было Ванюшки!

Уже дня два, а может, и три – точно не мог вспомнить – играла Забава одна в лабиринте аллей. Ванюшка попал в деревню случайно, с ярмарки. Он всегда около хлебных мест околачивался, как отец с матерью в холеру умерли. Одна семья из гусевских крестьян и призрела

сиротку. Своих детей не было, так чужой – не смотри что лишний рот – и в хозяйстве сгодится. Ванюшка ладный был, скромный, прижился гладко, в барский дом стал наведываться: барину поможет – тот его рублём или пряником одарит. Славный мальчонка – он и Забавушке по нраву пришёлся. Она с ним и в прятки, и в бабки, и в куколки играла, книги с картинками да лубки разглядывала.

Забавушка возилась с ласковым пёсиком на крыльце флигеля.

– Дочь моя любезная, а где Ванюшка? – спросил Владимир Иванович, надеясь получить разумный, ясный и однозначный ответ, как и всегда ждал этого от окружающих, если вдруг вставала перед его затуманенными смородиновой настойкой очами неразрешимая проблема.

– Не знаю, – пожала плечами Забавушка. – Сегодня не приходил.

– А вчера?

– И вчера не приходил.

– А когда приходил?

– Третьего дня. Но он когда вечером уходил, обещал вчера прийти.

Владимир Иванович улыбнулся наивной простоте, но исчезновение мальчишки немного настораживало. Обратный путь в деревню шёл через лес, а уж каких только сказок не наслушался за эти десять лет от крестьян про его обитателей: и Леший, и Баба-яга, и медведи-колдуны, и Аука. Кроме того, и о разбойниках нельзя забывать. Ванюшка же – хоть и малой – но слово держит. Или заболел, или наказан новыми родителями, или – не дай Боже – случилось что с ним по пути.

Жаль Ванюшку, а ещё больше жаль, что за белым колдуном теперь послать некого. Дворовые ж не мальчонка пришлый – всё разнесут по углам. Ещё и в жёнины покои попадёт.

Так и отправился Владимир Иванович самолично к знахарю.

Белым колдуном назвать сие Божие творение у Владимира Ивановича язык не повернулся бы даже во сне. На завалинке глиняного, мазаного крашеной штукатуркой дома сидел и курил трубку высокий худой, даже можно сказать костлявый человек. Патлы тёмных с зеленоватым оттенком волнистых волос свешивались до скул, прикрывая пронизательные глаза.

– Гусев? – чересчур по-простому, словно панибратски, обратился он к хотя и близкому по возрасту, но явно не по состоянию соседу и даже протянул широкую мозолистую ладонь. Не чувствуя в себе сил отказать, словно повинувшись ритуалу, Владимир Иванович ответил на рукопожатие и ощутил, как нежные пальцы хрустят под давлением, будто на толстый фолиант, чьей временной закладкой стала ладонь, вдруг села одна из тётушек, сопровождавших на детском празднике юных прелестниц.

– Владимир Иванович, – прохрипел помещик сдавленно. – Надворный советник, заслуживаю высокоблагородия.

– Кто чего заслуживает, это мы на деле посмотрим. А кому уж ты советник, не знаю, но ко мне за советом-то ты сам пришёл.

От такой наглости уши Владимира Ивановича стали цвета вишнёвого сока. Сказать, однако, в ответ он ничего не мог. А как тут скажешь? И вправду же пришёл со своей кручиной. Вот только говорить ли её наглецу?

– Слушай, если б я к тебе с делом пришёл или, хуже, с просьбой, так ты б заартачился и смотрел свысока. Ну, а я ж не лучше. Высокомерием не страдаю, но требую признать во мне равного себе, человека, брата – терпи так что... Гусев.

На фамилии отставной офицер особый акцент сделал, процедив её по слогам сквозь желтоватые зубы.

– И не стесняйся. Выкладывай. Вижу, раз сам пришёл, значит, дело секретное. Влюбился в девку, может? Слышал я, что ты верный муж, но черти-то знамо где водятся... Выкладывай давай, не стесняйся – здесь все свои. Меня, кстати, Матвеем звать, по батюшке Васильев, для

друзей можно просто – Матюша, но мы ж пока не друзья, так что давай или будем церемониально друг другу Владимир Иванович и Матвей Васильевич, или уж по-простому: Гусев и Беневоленский.

Владимир Иванович и рот раскрыть если бы и успел, то лишь для того чтобы по-рыбьи высказать своё удивление словоохотливости и наглости знахаря. Он уже не отталкивал, но слегка раздражал.

– Матвей Васильевич, – решил выбрать наиболее подходящую из форм обращений, – вы слишком поспешно судите. Дело моё состоит в том, что супругу мою, Ольгу Никифоровну, с недавних пор одолела кручина какая-то. Не узнаю я её: сама не своя сделалась. Я ж всё для неё, чтоб только не заскучала в деревне, а она теперь и не улыбнётся в ответ. И по снежку на саночках...

– Понятно, – резко перебил Беневоленский. – Но есть же что-то ещё?..

– Есть, да, – вспомнил Владимир Иванович. – Мальчонка пропал. Он моей дочке обещал, что придёт завтра, а сам не пришёл. Убежал вечером лесом домой, да и не видели его мы больше. Может, конечно, он и дома – пустое беспокойство, да вот пришлось к вам самому идти...

– Нет его дома, – с серьёзным лицом сказал колдун. – Пропал Ваня. И это кажется мне куда серьёзнее кручинушки вашей супруги. Сколько за оба дела дадите?

– За оба? – поразился помещик.

– Ну, крестьяне, что сироту призрели, уже и так заплатили сполна. Или с вас убудет?

Стало Владимиру Ивановичу не по себе, как пристыдили его...

– А сколько вы за одно дело берёте?

– Ох и прощельга же ты, ваше высокоблагородие. За кралою твою пять рублей возьму, за сиротку – двадцать пять. Серебряными. Идёт?

Казалось, помещик потерял дар речи. Он уставился на колдуна и понять не мог: шутит сей или глумится?

– Хорошо, ежели по твоему честолюбию это так больно ударяет, считай, что наоборот. Так договорились? Тридцать рублей ты мне лично выдаёшь без разговоров, когда я к тебе с отчётом приду. И не увиливай, как чиновничье племя, счетами да долгами. Кровью договор скреплять не будем – поверю в слово твоё честное. Чего молчишь?

Гусев выдохнул и согласился. Понять причину печали супруги стоило тридцати рублей.

Матюшей прозвали его в полку, и он решил оставить это имя как единственное живое напоминание о той жизни. В провинции, в глуши всё по-другому. Здесь наконец-то один и сам себе командир, вот только...

После войны он стал ненавидеть людей.

Ненависть пришла внезапно, как удар затылком об лёд, когда Матвей увидел в Тильзите улыбающегося императора. Александр шёл заключать мир с Наполеоном. Войне конец. Вроде бы желанная цель – нет больше крови и бойни. Император улыбается, он доволен – все довольны.

Матвей стоял, сунув правую ладонь в портупею, а левой сжимая ружьё.

Войне конец. Это главное. И неважно, что враги стали друзьями. Как будто игрушку не поделили, а потом Александр её отдал Бонапарту и сказал: «Извини, она же твоя». И неважно, что при Гейльсберге, прикрывая отступление, погибли лучшие люди, друзья: Зурин, Ольский, Миронов, Вулич. Они отправились воевать за него, а император подписал мир и заручился помогать врагу.

Конечно, можно возненавидеть императора, но ведь он как вершина айсберга: плывёт туда, куда течение несёт огромную тяжесть подводной массы.

И Матвей возненавидел массу, из-за которой в могилах лежат Зурин, Ольский, Миронов, Вулич. Из земли над могилами цветы растут. Можно нарвать их и принести Софье, Машке, которые безнадежно ждали...

Беневоленскому тошно стало от войны, от интриг, от людей. Стыдно и за себя. Решил тогда воспользоваться этим и жить вдали от больших событий. Отвечал только за себя и сам решал любые вопросы.

Ванюшку жаль, конечно. И так отправился бы его искать, но пухлый олух сам подвернулся. Тридцати рублей при строгой экономии на полгода хватит. Вот только удастся ли спасти мальчонку? Много Матвею приходилось видеть на войне, особенно в прусских лесах. Расскажешь кому – не поверят, смеяться будут. Здесь же, в дикости русской, ещё хуже твари прятаться могут. И не всегда твари рода человеческого...

Выйти на след Ванюшки было просто – не зря ж столько лет в егерском полку служил. От усадьбы Гусевых шёл мальчуган как обычно домой, а потом свернул Ваня на узенькую тропку, скрытую в высоких зарослях папоротника. Что ж это он вечером решил в лес-то прогуляться?

Лес ещё такой неприветливый, словно чужой. Прусский лес мало чем отличался от здешних зарослей: те же сосны, берёзы, клён да орешник. Вот только там тревога человеческая была. Да и рядом шли солдаты, в руках – ружья. Бояться можно было засады и шальной пули.

Здесь же иной совершенно страх. Лес этот дикий, древний. Барин, как ни странно, охоту не любил, и в лес редко кто хаживал. Крестьяне грибы-ягоды собирали, но далеко не заходили. А про тех, кто заходил, Матвей наслышался много чего худого. Лет пятнадцать тому назад мальчишка пропал – Сашка Рябой. Искать ходили мужики, да только пояс разодранный на ветке нашли. Семь лет спустя Машка Кудрявая пропала, та самая, Дева Немая. Нашли её, голенькую, а рядом огромный медведь ходил, принюхивался. Девка ревет от страха: то ли медведя боялась, то ли ещё кого пострашнее. Мужичьё бывалое – зверя отогнали, а вот Машка с тех пор молчит.

Идти по настилу из хвои было приятно, мягко. Солнце в зените, самое жаркое, а под сенью высоких сосен – благодать. До вечера ещё далеко, и страхи кажутся какими-то надуманными. Тропинка вела, петляя меж муравейников и насыпей, летела вниз по склону ко дну лесного ручья. А ведь Иван шёл тут вечером – чёрт его дёрнул тащиться в такую...

Холодная капля стекла по спине Матвея.

Рядом, чуть поодаль, отчётливо проступал след огромной босой ступни. Один след! И пальцы направлены в сторону беспечно скачущего по тропинке деревенского мальчишки...

– Эй, кузнец, дело есть к тебе! – уверенный в себе голос разрушил всё наслаждение от обеда. Впрочем, Богдан редко позволял себе отдыхать – это к худому ведёт. Поест, сил набраться – и хватит. Сосед, Борис Кривой, гончар, как обед, так даже ставни закрывает. Супруга его дома накормит – пузо как не лопнет. Тот и лежит, охает два часа, потом только возвращается к работе. Оттого и дела у него плохо идут. А может, плохо оттого идут, что деревня бедная – много на горшках и не зарабатываешь. Кузнец же всегда нужен – вон и пообедать некогда.

Судя по голосу, Гришка Беспутный зовёт. Беспутным его в деревне прозвали – так-то он Тарасов по батюшке.

– Какое у тебя может быть дело, Гришка? Ни сбруи, ни топора не понадобится...

– Шутишь всё, дядь Богдан, – лукаво ответил молодец, опершись о деревянный свод кузницы. – А я ж серьёзно с делом к тебе. Сделай мне цветы кованые. Розы. Или тюльпаны. Я денег не пожалею.

Кузнец подавился самым обедом своим, когда услышал. Ещё глубже нежёванная еда прошла, когда боковая дверь кузницы распахнулась, словно от удара молота, и взору явился сам Нехристь, как прозвали его старухи. Они, конечно, тайно ходили к нему: кто яиц десяток отне-

сёт, кто курицу, чтобы тот хворь вылечил, но это не мешало говорить о нём, только перекрестившись.

Гришка осклабился, увидев бирюка-знахаря, но решил не придавать этому значения.

– Так что, дядь Богдан, будут цветочки? Ты только хорошо сделай, а лучше ещё – покрась их в алый, чтоб ярче были. Я денег не пожалею – мне деньги – тьфу! Я ж, знаешь, живу сегодняшним днём, как мотылёк, который летит...

– Сколько за рогатину возьмёшь? – бесцеремонно перебил отшельник.

– Рубль, – ответил Богдан.

– На медведя хотите пойти, сударь? – ухмыльнулся Гришка Беспутный, но никто ему не ответил.

– А за цветы побольше, конечно. Работа сложная... Тебе ж это наверное надо?

– Наверняка. Влюбился я, дядь Богдан. Сильно влюбился. И хочу ей железные цветы подарить – натура у меня такая! Если взялся за гуж, так не отступлюсь. Мне никакие законы не писаны! Особенно, когда доходчиво понял, что слова мои идут прямо от языка к сердцу, так тут цветы навечные, как по мне, покажут суть любви моей...

– Такие цветы навечные на могилку только, – вмешался знахарь.

– Кому ж это вы, сударь, цветы б на могилу положили? – рассердился Гришка. – У вас ведь ни родных, ни друзей. Сами умрёте – и не вспомнит никто. Сгниёте, потом косточки дом погребёт, когда развалится от ветхости.

Гришка за словом в карман не лез. Он привык везде побеждать: в драке, в перепалке, в охоте. Потому и не осталось в округе ни одного мужчины, кто бы к нему относился без озлобления явного или тайного.

– Тебе б положил, – ответил Нехристь.

– А это вы зря так сказали-с, – насупившись, проговорил Гришка, сильно сжав зубы. Он убрал руки с кузницы и скрылся из виду до поры до времени.

Богдан цокнул языком. Знахарь пальцами водил по острию топора.

– Осторожнее там: порезаться можете, – предупредил кузнец, надевая толстые рукавицы, чтобы взяться за работу. – Это не продаётся. Для бурмистра делано. Вечером заберёт. А вам зачем рогатина-то? В чашу хотите за травами – медведя боитесь? Вы ж, ваше благородие, стрелок – взяли бы карабин свой в лес.

– Да, в чашу хочу, в самую глубокую... – задумчиво протянул лекарь. – Только не за травами. И карабин там не поможет... Слышал про Ванюшку-то? Парень-то он не промах, чтоб заблудиться или глупость учудить. Тут, Богдан, чую нехорошее. Сделай мне особую рогатину, для тварей. Знаю я, что ты можешь. И знаю, что за это дело навару тебе не требуется, так как тварей ненавидишь ты не меньше моего.

Кузнец побледнел. Конечно, многое он слышал про Нехристя, но не думал, будто настолько он сведущ в делах, о которых можно было лишь с попом говорить да со странницей Марфой. Конечно, может он быть и Нехристом, да вот только простые-то христиане в этих вопросах несведущи, а этот, видно, знаток.

– Понял я вас. Заговорю рогатину против сварожьих недругов. Этого желаете?

– Этого.

– И, как говорили вам, лишнего не возьму. А рубль заплатите.

Гришка считал это оскорблением. Для дуэли он, конечно, никто, а Нехристь-то бывший офицер, хоть, говорят, до наследственного дворянства не дослужился. Потому оставалось только одно: дожидаться за углом и наподдать, как следует, в его наглую харю. А там будь что будет! В деревне только лишь кузнец да бурмистр Михай Иваныч, богатырь от рождения, его кулака не знали. Остальные сразу поняли, что с Гришкой лучше не спорить. И не грубить ему.

Нехристь жил отшельником, в стороне, на людях появлялся редко, и вот теперь, видимо, настало время проучить и его, показать, кому тут грубить нельзя ни в коем случае.

Ждать пришлось долго. Кузнец, похоже, его работу поставил в первую очередь – новая обида. Прищучить бы и кузнеца, да вот только человек он нужный, как бы не зажался.

Гришка от скуки сел прямо на дорогу, опёршись спиной о стену дома, и стал думать о своей зазнобе. Не любовь, а чистое безумство! Хотелось кричать о ней, да нельзя. Тут такое «нельзя», которое даже ему, беспутному, с рук не сойдёт, если раскроется.

Наконец он увидел знахаря, выходящего из кузницы. Вот и пришло время расправы. Пора проучить наглеца! Ни тени страха не испытывал Гришка перед мордобоем – уверенность в силе приходила, как ледоход весной: сломала что-то внутри и потащила за собой. Он и думать стал о себе выше, чем раньше думал. И задачи перед собой ставил такие, о каких до того и мечтать не смел.

– Знаете, сударь, на мой взгляд, вы совершенно коней попутали. В метель попадёте – они и вас, и себя загубят, – поигрывая мускулами под сибиркой, Гришка, подбоченясь, заградил путь знахарю.

Исподлобья злобно посмотрел на него в ответ Матвей Васильевич и сказал тихо, но почти в самое ухо:

– Как бы коса твоя о камень не сломалась – больно будет.

Зелёные глаза, казалось, вот-вот проникнут в самую суть Гришкиного разума, унесут сознание далеко отсюда, к чёрту на кулички. Глаза змеи, пустившей яд в тело, которое медленно превращается в хлебный мякиш. Наваждение невозможно было стряхнуть – тело не слушалось. Сейчас Нехристь мог сотворить с ним всё. От понимания такой силы мурашки побежали по коже.

И ему вспомнились годы отрочества, когда ребятня из соседнего Неелова шутки ради привязала его к осине тугой верёвкой.

Однажды он с вершины холма обзывал их, дразнил, считая себя недосягаемым. Пока не получил удар по затылку. Пока не свалился с обрыва в ручей. И очнулся привязанным к дереву. Тогда они ему мстили всласть: били по лицу, в пах, под дых. Наверное, ни один насмешник так не страдал за свои шутки. Правда, это и заставило его стать сильнее, чтобы проучить обидчиков.

Первых своих побед в драке Гришка добился именно в Неелове. Он находил тех парней по одиночке и избивал до полусмерти. Их лица навсегда остались в памяти.

Как и лицо Нехристя. Если тот владеет магией, так Гришка обучится ей. И потом... Потом он заставит его встать на колени и молить о пощаде так же, как молили мальчишки из Неелова.

Пройдут годы, и он узнает тайну магии.

А пока надо пережить унижение.

Нехристь уходил. Он жил отшельником у леса. Ни слуг, ни жены, ни детей. Оно и понятно: грубит кому попало, не задумываясь о последствиях. Думает, если чем владеет, так другой этому не научится?

Все так до поры до времени думают...

Только вот Беспутному дорогу не указывают – он сам её выбирает.

Ермила Колязин в это воскресенье решил не тратить время попусту, а отправиться по грибы и ягоды. В N-ском уезде леса были дремучие, а особенно в поместье Гусевых. Нееловцы частенько туда отправлялись. В глубь леса мало кто заглядывал, так что и не заметят, сколько кто чего насобирал.

Взял с собой сына – тому всё лучше, чем лазать с пацанятами по чужим огородам. Оно, конечно, сам Ермила пошёл на дело не более благородное, но одна вещь – барский лес, другая – соседская земля.

Взял с собой жену да тещу. Больше рук – больше унесут. От грибов в Неелове редкий откажется... Особенно ежели лисички нажарить с луком – да со сметанкой густой и свежим хлебом прямо из печи. У Ермилы аж слюнки потекли. А грузди крупные засолить? Как откроешь баночку после Филипповки, так жизнь слаще мёда кажется. А боровики сушёные в суп накрошить да хлебать горяченькое, прислонившись спиной к печи, в Крещенские морозы?

Риск, конечно, есть наткнуться на бурмистра. Но риск этот – как в лютую стужу здесь Морозка встретить. Не зря же на миру сказки идут – значит, были случаи. С пустого места и вода не потечёт.

Каждому Ермила отломил по длинному суку, чтоб не руками голыми траву и листву раздвигать – змеи могут под ними прятаться. Лес давно уже человеку домом перестал быть, с тех самых пор как люди от него отгораживаться стали. Это раньше в сказках медведь с мужиком могли вместе репу выращивать, а потом стала здесь чужая территория, «за забором», где у медведей свои терема расписные. Опять же в сказках так говорят, но Ермила их воспринимал всерьёз как послания предков, умных и выдавших на своём веку такое, с чем им, отгородившимся частоколами от всего неведомого, сталкиваться не приходится.

Сыну дали корзину для маслят – маленькую. Долго их хранить нельзя. Вот сегодня нажарят – и уйдёт корзинка. Отец, хромой, хоть порадуется. Какая старику радость ещё, как ни сладко поесть и крепко поспать?

Дружно набрали полную уже. Маслята узнать легко, да и не прячутся они – вдоль узкой тропы растут. Тёща две корзины несла, в них крупные грибы собирали.

Жена – по ягоды любительница, до сластей охоча. Она из них варенья делает на зиму. Не говорил это ей Ермила, но были варенья кислыми, не как мама в детстве делала – мёда не жалела.

Далеко ушли за белыми грибами в самую чащу – так далеко, что не помнились уже эти места. И вроде поворачивать надо, а грибов-то здесь больше.

Чу! Шаги и хруст! Идёт кто-то! Впереди развилка, а звук шёл от тропки, что в гусевское поместье вела.

– Никшни! Наземь! – рявкнул Ермила на своих. Те замерли и легли ниже травы, даже теща, охая, на колени упала.

Знал Ермила, что коли заметит бурмистр али ещё какой из дворовых Гусева – барину доложат, тот их барину пожалуется, вот и Колязиным беда придёт. Не пожалеют Ермилу. И шкуру сдерёт барин, и штраф потребует заплатить.

На тропе человек появился, и сразу понял Ермила – барин идёт. Только не Гусев. Тот мягкий, потный, вялый, а этот как жилистая рябина: тонкий, гибкий, но чувствуется сила в нём огромная. Но походка-то не мужичья. Уверенная, хозяйская. Так только помещики по владениям выхаживают. Идёт, без охраны, и собой доволен. В руках рогатина, правда, но с ней на хищника разве что богатырю охотиться можно, а сложение у рябинообразного барина было не ахти какое.

– Здорово, отец! – Барин сразу приметил семейство, несмотря на смешные попытки спрятаться. Но Ермиле смешно не было. – Не выдам, не бойся. Но совет прими: идите лучше хоженной тропой до дома. Забрели вы туда, куда лучше не навещать простому люду.

– Шли бы и сами подобру-поздорову.

– Так я и иду, вам не мешаю.

– Ну, вот и идите, – собравшись с силами, отвечал Ермила. Семья его поднималась с колен, и каждый ошестинивался, словно грызун, защищающий добычу.

Барин чему-то улыбнулся и пошёл по тропе в дремучую чащу, по тропе, которая после развилки стала еле видимой – туда с двух деревень редко кто хаживал.

– У меня корзинка полная – наедемся жареных маслят, – поделился сын.

– Мои не до краёв, но полные, – сказала жена, радуясь малине и землянике.

– Боровиков корзина, а груздей чуть больше половины. Можно и повернуть, как барин велел, – посоветовала тёща.

Это она зря сделала. Быть на поводу у женщин Ермила ой как не любил, а уж чтоб слушать тещины советы – повод сделать всё наперекор.

– Дособирать надо грибы. Там, в чаще, тропки нехоженые. Там и грибы, почитай, на каждом шагу под кустиком – успевай собирать только. Наберём – и обратно. Чего нам бояться? Не одни ведь – барин вон сам пошёл туда невесть зачем без корзины с рогатиной одной.

Ермила ступил на узкую тропу, и его семье пришлось идти следом.

Про стычку с дворовым Матюша почти сразу забыл. Молодой парень, дикий – таких война только в чувства приводит. Когда увидят край дикости, поймут, чего стоили честные купцы и добрые соседи, семейные праздники и тепло маминой ладони. Пришлось, чтоб отстал, больно ударить по его самолюбию. Столкнуться с силой, о которой и не подозревал, – самый страшный удар для таких.

Сейчас предстояло дело куда более опасное. Оценить его в тридцать рублей... Интересно, сколько стоит жизнь? Своя жизнь? Понятно, что в глазах окружающих она не стоит ничего, а многие бы даже сами заплатили, лишь бы «этот Нехристь» сгинул. Но сам бы вот он сколько за неё попросил?

Еле примечаемый след вёл дальше по узкой тропе. Иногда и не след, а в буреломе поломанные ветки. Мальчишка был ещё жив, пока его тащили: брыкался, хватался за всё подряд. Может, отчаянно надеялся, что придут за ним, спасут.

Раздвинув мохнатые еловые лапы, Беневоленский увидел лачугу. Лесная хижина, словно сбита из подручных средств: сруб из толстых неотёсанных брёвен, сверху навалены сухие ветки и дёрн. Ни окон, ни дверей – лишь широкий неровный лаз в берлогу. Странно, но она ему чем-то напоминала собственный дом.

Хижина отшельника...

Выставив перед собой заговорённую рогатину, знахарь пошёл напрямик ко входу. Что-то, казалось, жило внутри, дышало, будто горячим дыханием наполняло сам воздух, плотный, смрадный.

И вдруг хозяин явился взору незваного гостя. Он вышел наружу, опираясь на увесистую клюку и буравил знахаря злобным взглядом. Где-то под ногами чудища ползал бедный мальчишка, в рваном тряпье, совсем озверевший, видно, от голода и страха.

– Ты не крадёшь людей, Верлиока! Что тебе пообещали за мальчика? – начал Матвей Васильевич, обратившись к страхолюдине, стоявшей у входа. Знахарь и не надеялся застать мальчишку в живых – шёл увидеть воочию тело. А тут такое...

– Не краду, волхв, – пробасило чудище так ясно, будто в лесу прекрасно обучилось человеческому языку. А впрочем, кто ж знает, сколько оно тут веков прожило, чего только не видало... Соломенные волосы вклокоченными патлами свисали ниже плеч, а возле рта сливались с пышными усами и бородой-мочалкой. – Не краду. Я убиваю. Семаргл изгнал меня за кровожадность. Мне всё равно: ребёнок, нищий, мать, девка – они для меня сырьё. Кости, мясо и кровь – это же как листья, кора и корни. Всё труха. Всё прах. Всё есть сегодня, но сожми тонкую их шейку – и у них нет сегодня. Пень так быстро не превращается в труху, как человек. Семаргл спорил. Семаргл говорил, что в людях живёт душа. Да он просто дурак. Все вы дураки. Вы видите решётки, которых нет. А я есть. Хоть вы все и говорите, будто меня нет!

Мальчик под ногами Верлиоки молил о помощи, соединив ладони и прикоснувшись к ним лбом. Он ревел, но слёз почему-то не было на щеках.

Ледяная улыбка сделала страшное одноглазое лицо по-настоящему чудовищным. Ладони сплелись у наверхия посоха, а голос стал что-то насвистывать. Мотив превращался в грозную песню:

*Ушёл милый мой на войну,
Ушёл, и война всё разрушит,
Убьёт она детства весну,
Погубит и милого душу.*

Зурину осколок гранаты попал в висок – не дожил офицер до прихода военного врача. Ольского во время отступления застрелил француз-кавалерист. Смерть Вулича Матвей не сам не видел.

Лицо знахаря исказилось от невыносимой боли, и он шептал себе: «Это всего лишь слова, обычные слова! Нельзя поддаваться! Нельзя!»

Выставив заговорённую рогатину наперевес, Матвей кинулся на чудище. Воздух стал плотнее, каждое движение давалось с трудом, будто идёшь глубоко под водой.

*Пришёл ты ко мне как живой.
Зачем тебе ножик, мой милый?
– Чтоб в поле твоею рукой
Цветы срезать мне на могилу.*

Мир разорвался на части. Деревья словно вырвало с корнем и подбросило в воздух.

Осталось поле в рытвинах, усеянное мертвецами и ранеными, лежащими вперемешку. Боль, отчаяние и страх сливались в один непрерывный стон. Он, казалось, проникал сквозь кожу, расплавляя её, как полуденное солнце жарким летом. Сквозь глухоту прорывался неясный далёкий детский крик.

И постукивание.

Тяжёлая поступь.

Матвей обернулся: всё то же поле, страшное поле, дитя войны.

Дитя Яровита...

Стук и шаги. Кто-то приближался. Невидимый, огромный и безжалостный.

Может, смерть?

Но почему же вдали кричит ребёнок?

Смутные видения явились в голову Беневоленского: ребёнок Ольского.

Столько всего Ольский порассказал, что у Матвея сложился вполне конкретный образ безрассудного рыжеволосого мальчугана. Ванька-сирота – один в один!

Ванька!!!

А ведь Матвей пришёл сюда его спасать! Это Ванька кричит, зовёт на помощь!

Верлиока насылает видения.

Нет никакого поля!

Матвей потянулся к внутреннему карману на подкладке жилета, вытащил третий справа эликсир – приготовленный настой из французского «дерева за сорок экю», опорожнил и поднялся, выставив рогатину. Морок начал рассеиваться, и сквозь туман Беневоленский увидел в двух шагах от себя чудовищную фигуру Верлиоки с занесённым для удара посохом. Матвей действовал, как кошка, которую загнал в угол злобный мальчуган. Кинулся на врага, упал,

кубарем прокатился под опустившейся палкой, развернулся и воткнул рогатину в бок чудовищу. Вынул оружие и отскочил.

Пускай крови вытечет побольше. Эту гадину вряд ли убьёшь одним ударом.

Верлиока взревел и схватился за рану. Дико озираясь, он нашёл противника и смотрел на него с яркой ненавистью.

– Иди сюда, мальчик, – приказал он слащавым голосом. И, как это ни странно, Ванюшка послушно побежал к похитителю.

– Стой! Что ты делаешь?! – зывал Матвей, но мальчишка словно не слышал.

– Ты думаешь, волхв, я не убил мальчишку, потому что хочу его продать? Хочешь, убью сейчас? Брось-ка мне этот кусок дерева с плевком Сварога и убирайся отсюда, а не то...

– Отпусти мальчика, и я оставлю тебе жизнь.

Верлиока занёс посох для удара по темени съёжившегося у ног мальчишки, как вдруг что-то остановило его. Чудище с недовольством фыркнуло, но потом принялось, и снова появилась та же ледяная улыбка...

– Хорошо. У меня есть на сегодня для тебя другая игра, куда веселее прежней.

Взгляд его обратился к тропинке, по которой, не подозревая об опасности, шла семья Колязиных в поисках бесценных грибов да ягод.

Все эти два дня Михею Ивановичу не по себе было. Спрашивал у Бога, согрешил ли или, наоборот, благое дело сделал, но ответа не получил ни явного, ни косвенного. Молился бурмистр с усердием, с поклонами до земли.

А ведь мальчишка этот ему сразу не понравился. А всё глаза. Мутные, бездонные, а когда смеётся, так точь-в-точь беса напоминает. Один заезжий художник чёрта намалевал на стене флигеля. Оно, конечно, там бес в аду горел, но всё же каждый почитал за честь плюнуть в бесовскую харю, оттого и флигель загаженный сам стал.

Потому и крестился бурмистр всякий раз, как мальчонка мимо проходил. А зачастил он ходить к барской дочери. Сдружились они, и недоброе почуял в этой дружбе Михей. Новые родители Ваньки каждое воскресенье на службе бывали, а вот сиротку ни разу не привели – опять же подозрительно.

– Забавушка, а ты про цветочек самоцветный не слыхала? – подсел два дня назад он к барской дочери, когда та в куклы играла на скамейке в саду.

– Нет, дядя Михей. А есть такой?

– Говорят, есть. И говорят, растёт неподалёку, в лесу, в самой глуши. Только ты туда не ходи – туда только храбрый витязь дойти может, чтоб достать своей даме сей каменный цветок и доказать, что ради неё он готов на всё. Лес полон чудищ несусветных, и чем дальше туда заходишь, тем страшнее. Только у самых именитых красавиц в вазе такой цветок есть как символ беззаветной любви их бесстрашных рыцарей. Но ты не грусти: подрастёшь, может, и у тебя такие появятся. Всему своё время. То-то же.

Михей Иванович погладил шелковистые волосы Забавы, встал со скамейки и отправился по делам: Ванькины родители оброка задолжали часть ещё с прошлого месяца.

Щёки Забавы горели пунцовым пламенем. Скоро должен был прийти Ванюша, её рыцарь.

А бурмистр добрался до места, условия новые насчёт оброка обсудил, убедился, что ушёл уже их приёмный сын к самим Гусевым, и остался доволен.

Вот только сейчас мучили его каверзные вопросы: согрешил он али дело святое сотворил?

– Выбирай, охотник, – скрежетал Верлиока, опираясь обеими руками о посох, воткнутый в землю. Слева послушно сидел Ванька, справа, в шаге от чудища, блуждала, словно в забытии, семья Колязиных. Чудилось им, наверное, что попали на прогалину, где полным-полно грибов

да ягод и только ленивый не наберёт полные корзины. – Тебе решать, кто умрёт сегодня. Да, от моей руки, но ею будешь руководить ты. Сегодня ты сама Судьба. Сейчас я вырву посох из земли и ударю. Направо или налево? Налево или направо? Не заставляй ждать долго – я успею сделать и то, и другое, вот только ты успеешь спасти лишь одну сторону. Так какую?

Матвея прошиб холодный пот. Он не вправе решать. На войне – другое дело: там тебе приказали, а ты – исполняй. Топор не виновен в смерти преступника. Виновен тот, кто преступника осудил. Правда, оба императора так искренне улыбались в Тильзите при заключении мирного договора, будто тоже были ни при чём.

Крестьян было четверо. Один ещё молодой совсем, безусый. Спасти четыре жизни взамен одной?

Но Ванька-то свой, а они ему кто?

Да и сами виноваты: чего было лезть на рожон?

Предупредил ведь.

Будет уроком...

Вот только кому уроком-то?..

В голове стучало: давит время и этот чёртов выбор! Выбрать здесь и сейчас и принять боль за будущее. И Матвей задал себе последний вопрос: о ком он будет жалеть больше?

Жребий брошен.

– Бей направо.

Да, крестьян четверо, но Ваньку-то он знал. Да и Ванька походил на ребёнка Ольского – он лично ему был дорог, а раз это его выбор, то почему надо выбирать разумом?

Верлиока засмеялся и медленно поднимал посох, давая время знахарю действовать. И Матвей бросился к мальчугану, схватил его за руку и потащил прочь отсюда, к тропе, вдаль от страшных чар лесного колдуна.

Посох опустился на голову Ермилы. Красочный мир разрушился, женщины завизжали от испуга, сын побежал, а глава семьи упал на мох, подбородком задев бревно, отчего голова нелепо приподнялась со страшным оскалом и испуганными глазами. Второй удар сбоку раздробил переносицу Ермилиной тёщи и откинул её на соседний вяз. Ветки впились в безвольное тело. Молодая жена крестьянина вопила от ужаса, пока её тоже не постигла участь матери. Сын же бежал, не оглядываясь, не думая даже, чтобы чем-то помочь родным. Бросив корзину, порывами глотая воздух, он нёсся, чтобы спастись от кошмара.

Матвей вывел Ваньку на тропу и приказал бежать, чтоб пятки сверкали.

Пора воздать чудовищу по заслугам. Верлиока ранен. Наверное, ослаб от потери крови. Собрав силу души в глаза, как учили его Первые, как и поступил он с Гришкой, Матвей пошёл в последний бой. Создание древнего мира снова запело, но сила чар и настоя мешали ему проникнуть в голову белого колдуна. Они смотрели друг на друга, не отрываясь. Матвей шёл уверенной поступью. Верлиока не выдержал, взревел, прекратив песню, вырвал посох из земли и стремительно напал на человека, ударив наотмашь. Матвей выставил рогатину, отбил оружие врага, скинув его вниз, и, опёршись на рукоять, прыгнул на грудь чудища.

Верлиока упал – Матвей распорол ему глотку заговорённым наконечником.

Всё вокруг закружилось в диком ритме страшной пляски: листья, ветки, хвоя, трава, комья земли. Что-то менялось, растворялось в воздухе, и душа уплывала в небытие.

Дверь кабинета распахнулась. На пороге стояли белый колдун и рыжий мальчуган.

– Оставь нас, Гришка, – приказал Владимир Иванович дворовому Тарасову. Тот, злобно сверкнув глазами на Беневоленского, гордо прошествовал мимо, всем своим видом показывая, насколько смешны ему приказы хозяина и насколько сильно ненавидит он Нехристя.

– Нашли, значит, мальчонку. Где пропал, сорванец? Небось, заигрался в лесу и шалашик себе из веточек сделал? – с ухмылкой проворковал Гусев.

– Он был в плену у лесного чудища, – ответил Матвей Васильевич. – Чудище убито, ребёнок свободен. Требую оплаты.

Гусев посмотрел на знахаря с видом глубочайшего удивления.

– В плену у чудища? – переспросил он очевидное.

– Да, ваша милость, – ответил сам мальчонка. – Меня похитил Верлиока. Вместо меня он убил трёх крестьян из Неелова, но Знахарь его побил! И меня спас. Жаль семью, конечно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.